ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Имена прилагательные со значением «милый/любимый» в диалектной речи

Семенова О. В., Радецкая Е. М.

Аннотация. Цель работы – установить семантические механизмы формирования значения ‘милый, любимый’ у имён прилагательных в русских народных говорах. В качестве доминантной лексемы рассматривается прилагательное «дорогой», поскольку именно оно демонстрирует наиболее устойчивую реализацию данного значения в современном употреблении. Результаты анализа материалов раздела «Портрет слова» Национального корпуса русского языка показывают высокую частотность сочетаний с данным прилагательным (например, «дорогой друг», «дорогая мама» и др.), что позволяет рассматривать значение ‘милый, любимый’ как закреплённое и активно функционирующее в языке. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в диалектных прилагательных установлены семантические механизмы формирования значения ‘милый, любимый’ и показано, что оно возникает не как прямое выражение эмоциональной привязанности, а формируется через значения желания, жалости и боли. В результате исследования выявлено, что данная модель семантического развития отражает особенности народного представления о близости и межличностных отношениях.

EN

Adjectives with the meaning ‘dear/beloved’ in dialect speech

O. V. Semenova, E. M. Radetskaja

Abstract. The study aims to establish the semantic mechanisms involved in the formation of the meaning ‘dear, beloved’ in adjectives within Russian folk dialects. The adjective “дорогой” is examined as the dominant lexeme, as it demonstrates the most stable realization of this meaning in modern usage. The results of analyzing the “Word Portrait” section of the Russian National Corpus show a high frequency of collocations with this adjective (e.g., “дорогой друг” (dear friend), “дорогая мама” (dear mother), etc.), which allows the meaning ‘dear, beloved’ to be viewed as fixed and actively functioning in the language. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, the semantic mechanisms for the formation of the ‘dear, beloved’ meaning in dialectal adjectives have been established, showing that it emerges not as a direct expression of emotional attachment, but is formed through the meanings of desire, pity, and pain. The study reveals that this model of semantic development reflects the peculiarities of the folk perception of intimacy and interpersonal relationships.

Введение

Настоящая работа является логическим продолжением ранее проведённого нами исследования, результаты которого опубликованы в статье «Имена прилагательные со значением ‘стоящий больших денег’ в литературном языке и диалектной речи» (Семенова, Радецкая, 2025). Если в указанной работе внимание было сосредоточено на лексике, отражающей представления о материальной ценности, то в данной статье объектом анализа становятся прилагательные со значением ‘милый, любимый’, связанные со сферой эмоционально-оценочных и межличностных отношений. Такое сопоставление позволяет рассмотреть различные типы ценностных представлений, закреплённых в языке, и выявить особенности их формирования в диалектной речи.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной лингвистике наблюдается повышенное внимание к анализу языковых единиц, выражающих эмоции, оценки и межличностные связи. Особое место уделяется лексике, отражающей концепции привязанности, близости и значимости другого в сознании носителей языка. В рамках данного исследования внимание фокусируется на группе имён прилагательных, выражающих понятия ‘милый’ и ‘любимый’. Эти слова точно передают представления о личной ценности и глубине эмоциональных связей, а их анализ позволяет выявить, какие языковые средства используются для выражения привязанности и положительной оценки.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260262

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Обращение к диалектному материалу в нашем исследовании не является случайным: диалектная речь сохраняет разнообразные наименования и оценочные характеристики, связанные с повседневным общением и традиционной культурой. В ней особенно ярко проявляются способы выражения тёплых чувств, сложившиеся в конкретных регионах России. Анализ диалектных данных позволяет выявить региональные особенности выражения эмоциональной привязанности, а также установить, какие семантические сдвиги и словообразовательные модели используются для формирования значений ‘милый’ и ‘любимый’ в народном языковом сознании.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проследить развитие и функционирование прилагательного *дорогой* в значении ‘милый, любимый’ в диахроническом аспекте на материале толковых словарей и Национального корпуса русского языка.
2. Определить круг прилагательных, реализующих значение ‘милый, любимый’, на материале диалектных словарей, прежде всего «Словаря русских народных говоров».
3. Проанализировать семантические группы однокоренных лексем, их словообразовательную структуру, основные модели и пути семантических переходов, лежащих в основе формирования значения ‘милый, любимый’.
4. Охарактеризовать отражение эмоционально-оценочных и культурных представлений носителей русского языка через анализ данных лексем.

Для проведения исследования были использованы следующие методы: лексикографический метод, метод сплошной выборки, корпусный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, а также элементы словообразовательного и этимологического анализа. При этом наше исследование носило поэтапный характер. ***На первом этапе*** осуществлялся анализ лексем, функционирующих в значении ‘милый, любимый’, в диахроническом аспекте на материале толковых словарей, поскольку «исследование семантики слов в синхронии и диахронии позволяет увидеть непрерывность языковых процессов в разные периоды существования русского языка» (Ковригина, 2020, с. 108-109), а также сделать вывод, сохраняется ли данное значение в литературном языке или утрачивается на определённых этапах его развития. ***На втором этапе*** проводилась проверка полученных данных по материалам Национального корпуса русского языка с целью: 1) подтвердить факт существования соответствующих лексем в литературной и разговорной речи; 2) выявить частотность их употребления; 3) зафиксировать типичные контексты реализации значения; 4) установить стилистическую маркированность и временные рамки функционирования. ***На третьем этапе*** осуществлялась сплошная выборка прилагательных со значением ‘милый, любимый’ из «Словаря русских народных говоров» (СРНГ, 1965-), который стал основным источником диалектного материала в нашем исследовании, поскольку является наиболее репрезентативным и охватывающим широкий ареал русской диалектной речи. Отбор лексем осуществлялся путём выявления словарных толкований, в структуре которых зафиксировано прилагательное *дорогой*, используемое для передачи значения ‘милый, любимый’. Дальнейший анализ включал сопоставление диалектного материала с данными других лексикографических источников, в том числе «Словаря говоров Русского Севера» (СГРС, 2001-) и «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК, 1994-2002), «Белорусско-русский словарь» (Крапива, 1962), «Русско-украинский, украинско-русский словарь» (Ганич, Олейник, 1998) и др., что позволило уточнить ареал распространения лексем и выявить их семантические и словообразовательные особенности. ***Заключительный этап*** исследования предусматривал систематизацию отобранного лексического материала и его распределение по группам по принципу семантической общности. Такое группирование позволило выявить устойчивые словообразовательные и семантические модели, а также описать основные пути формирования значения ‘милый, любимый’ у имён прилагательных, функционирующих в диалектной речи. Сопоставление данных различных источников и контекстов дало возможность проследить динамику изменения семантики исследуемых лексем, выявить различия между литературными и диалектными значениями адъективов с семантикой ‘милый, любимый’, а также установить влияние культурного контекста на формирование указанного значения.

Материалом исследования послужили данные лексикографических источников различного типа. В качестве основного источника диалектного материала был использован «Словарь русских народных говоров» (СРНГ, 1966; 1968; 1972; 1999; 2013), на основе которого было выявлено значительное количество лексем со значением ‘милый, любимый’. Для уточнения региональной специфики привлекались также «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК, 1994; 1995) и «Словарь говоров Русского Севера» (СГРС, 2001; 2005; 2009). С целью анализа исторического развития исследуемых единиц использовались диахронические и толковые словари русского языка, включая «Словарь русского языка XI-XVII вв.» (1975; 1977; 1978; 1992), «Словарь Академии Российской» (1789; 1790), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863), толковые словари Д. Н. Ушакова (1935) и С. И. Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой (1990), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 2000). Дополнительно использовались и словообразовательные словари.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных лингвистов, посвящённые проблемам лексического значения, семантики и диалектной лексики. В работе учитываются подходы к определению и описанию лексического значения, разработанные В. В. Виноградовым (1977), А. И. Смирницким (1955), В. А. Звегинцевым (1957) и Н. З. Котеловой (1975). Этнолингвистический аспект исследования опирается на идеи Н. И. Толстого (1995) и Е. Л. Березович (2007) о языке как отражении культурных представлений. При анализе диалектной лексики учитываются положения русской диалектологии, изложенные в работах Л. Ю. Зориной (2017), И. Б. Качинской (2016), Е. А. Ковригиной (2020; 2022), С. К. Пожарицкой (2005), М. В. Ясинской (2015), И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой (2025a; 2025b) и др.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в лексикографической практике, в лингвокультурологических исследованиях, а также в преподавании курсов по лексикологии, диалектологии и этнолингвистике.

Обсуждение и результаты

Лексема *дорогой* на протяжении всей истории русского языка устойчиво реализует не только основное значение ‘стоящий больших денег’, но и переносное, оценочное значение ‘милый, любимый’, последовательную фиксацию которого можно проследить в течение нескольких столетий в таких лексикографических источниках, как «Словарь русского языка XI-XVII вв.» (1977, с. 324), «Словарь Академии Российской» (1790, с. 737), в «Толковом словаре живого великорусского языка» (Даль, 1863, с. 422), в толковых словарях Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, 1935, с. 775) и С. И. Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой (Ожегов, 1990, с. 179), а также в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 2000, с. 277). Статичность данного значения свидетельствует о его глубокой укоренённости в системе русского языка. Корпусные данные также подтверждают активное использование слов с оценочным значением ‘милый, любимый’ в диалектной речи. Так, по данным НКРЯ, оценочное значение прилагательного *дорогой* («милый, любимый») является устойчивым и активно функционирующим в языке: прилагательное регулярно используется в обращениях и в ситуациях, связанных с межличностными отношениями для выражения уважения, близости и расположения к человеку. Данный факт подтверждается при обращении к разделу «Портрет слова» (НКРЯ), который показывает высокую частотность употребления прилагательного в указанном значении (*дорогой гость* – 9.91, *дорогой друг* – 9.67, *дорогая мама* – 8.85).

Важно отметить, что оценочное значение прилагательного *дорогой* реализуется не только в составе определительных сочетаний, но и в функции обращения. Изучая данные современных лексикографических источников (например, «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 2000, с. 277)), можем увидеть, что слово употребляется как в сочетаниях типа «дорогой гость», «дорогие друзья», так и в позиции обращения, где оно выступает эмоционально окрашенным средством выражения близости и положительного отношения. Данная особенность чрезвычайно важна для нашего будущего анализа, поскольку в диалектных словарях ряд рассматриваемых нами лексем также фиксируется с пометами «в ласковом обращении», «чаще в обращении» и пр. Это показывает, что исследуемые нами прилагательные имеют не только описательную функцию, но и активно используются в речи при прямом обращении к человеку. Таким образом, анализ прилагательного *дорогой* показывает, что значение ‘милый, любимый’ устойчиво закреплено в русском языке, а обращение к диалектному материалу позволяет понять, как именно это значение формируется, через какие смысловые переходы возникает и как оно отражает народное мышление.

Диалектная лексика особенно наглядно демонстрирует богатство и разнообразие языковых средств, используемых для называния любимых и дорогих сердцу людей. Слова (не только имена прилагательные) со значениями ‘милый/любимый/дорогой’ уже привлекали внимание исследователей. Так, например, М. В. Ясинская отмечает, что в говорах это значение часто реализуется через зрительное восприятие: «Любовь означает самую высокую положительную оценку объекта (человека, явления, события, предмета) и предполагает в том числе удовольствие от его созерцания» (2015, с. 380), то есть мы любим того, кто красив. В качестве примера исследователь приводит такие прилагательные, как *взглядистый* (брян., смолен.) в значении ‘красивый, представительный’, *взглядный* (псков., твер.) – ‘приятный, видный, красивый’, *приглядный*, *видовитый* – ‘статный, представительный’ и др. (Ясинская, 2015, с. 382).

Анализ материала СРНГ позволил нам выявить 64 лексемы со значением ‘милый, любимый’, 15 из которых имеют в словарной статье помету, указывающую на их употребление в качестве ласкового обращения (например, «в обращении», «ласк.», «чаще в обращении» и т. п.). Среди всех лексем мы отчётливо можем выделить несколько групп, объединённых общей тематикой и семантикой. Такие группы отражают наиболее устойчивые модели описания эмоциональной близости в диалектной языковой картине мира и позволяют проследить как словообразовательные, так и семантические закономерности.

В **первую группу** включаются однокоренные прилагательные *бажáный (бáженый), бажáненький, бажéненький, забáжанный* и *убáжный*, восходящие к глаголу ***бажáть***: ‘очень хотеть, сильно желать (иногда из прихоти), просить’, ‘любить, ласкать’, ‘баловать, потворствовать’, а также ‘уважать’ (с вопросительной пометой) (СРНГ, 1966, с. 44). Очевидно, что значение глагола объединяет в себе сильное желание и тёплое отношение к человеку, что объясняет появление производных прилагательных со значениями ‘милый’, ‘любимый’, ‘дорогой’. Кроме основной формы, в СРНГ фиксируются и близкие варианты глагола: *бажúть* (1966, с. 44), *бажéнить* (1966, с. 45), *бажáнить* (со значением «то же, что бажать» (1966, с. 44)), а также *бажнúчать* («хотеть, желать чего-нибудь» (1966, с. 46)). Это позволяет предположить, что данная глагольная основа была достаточно продуктивной в диалектной речи и послужила базой для образования различных производных форм. В НКРЯ глагол *бажáть* не зафиксирован, что может свидетельствовать о его ограниченном употреблении или преимущественно диалектном функционировании. Но данная лексема распространена в других славянских языках, что подтверждается анализом статьи этимологического словаря М. Фасмера (1986, с. 104-105): мы обнаружили, что глагол *бажáть* и его варианты *бажить*, *бажанить*, *баженить* соотносятся со значениями ‘желать’, ‘жаждать’, а также сопоставляются с формами *бажати* (укр.), *zabagać* (польск.), *bažiti se* (чеш.). Связь

глагольной основы с положительной эмоциональной оценкой также подтверждается данными словаря В. И. Даля (1863, с. 33): глагол *бажа́ть* определяется как ‘желать, хотеть чего-либо, сильно и прихотливо просить; жаждать, алкать’, а прилагательные *баженый*, *бажененькой* – как ‘желанный, сердечный, милый’.

Итак, прилагательные ***бажа́ный*** и ***ба́женый*** (одна словарная статья в СРНГ (1966), помимо основного значения ‘милый, любимый, желанный, дорогой’, употребляются также и в других значениях: 1) ‘изнеженный, избалованный’, ‘хороший’, ‘добрый, добросердечный’; 2) ‘праздный’ и ‘бедный, несчастный’. Широкое распространение этих прилагательных в говорах (Олон., Арх., Новг., Волог., Влад., Вят., Твер., Калуж., Перм.) свидетельствует о значимости этих лексем в русской народной культуре. Встречается также вариант ***божёный***, зафиксированный в «Словаре говоров Русского Севера» под ред. А. К. Матвеева и имеющий значения ‘милый, дорогой’ и ‘достойный сожаления, несчастный’ (СГРС, 2001, с. 133), отсылку к которому мы обнаруживаем в статье к слову *ба́женый*, однако в СРНГ эти два прилагательных представлены в двух отдельных статьях. Примечательно, что и переносные значения в этих словарях разные: в СРНГ (1968, с. 62), помимо прямого значения, у прилагательного *божёный* фиксируются ещё значения: ‘вымоленный, выпрошенный у бога’ и ‘единственный’, то есть в материалах северных говоров прослеживается связь ласкательной номинации (‘милый, любимый’) с семантикой «выпрашивания». Эти расхождения свидетельствуют о различиях в семантике и употреблении рассматриваемых лексем в разных диалектах и об особенностях лексикографической фиксации этих различий, а незначительное количество примеров в НКРЯ может указывать на тот факт, что употребление данных лексем ограничено диалектной речью или имеет ярко выраженную стилистическую окраску.

Эти прилагательные имеют и словообразовательные дериваты, преимущественно с уменьшительно-ласкательным значением с продуктивным и в литературной речи суффиксом *-еньк-*. Надо отметить, что употребление диминутивов в говорах диалектологи соотносят с «проявлениями архаического взгляда на мир» (Букринская, 2025а, с. 67) и связывают с «реликтами магического сознания» (Букринская, 2025а, с. 67). ***Божёненький*** употребляется, когда обращаются с выражением жалости и сочувствия (СГРС, 2001, с. 132). Прилагательное ***бажа́ненький***, встречающееся в вятских говорах, передаёт оттенок особой нежности и привязанности (СРНГ, 1966, с. 44-45). *Бажёненький* реализует дополнительное значение – ‘хорошенький, красивый (о животных)’ (СРГК, 1994, с. 29). Данный факт может указывать на региональные особенности в образовании и функционировании уменьшительных форм, их способность к полисемии и передаче широкого спектра эмоций и характеристик.

Перейдём к анализу прилагательного ***забо́жанный***, не встречающегося в литературной речи, о чём свидетельствует его отсутствие в НКРЯ, но зафиксированного в Словаре русских народных говоров в значении ‘драгоценный, дорогой, милый, желанный’ (СРНГ, 1972, с. 241). Это прилагательное имеет и форму ***забо́жонный***, которая истолковывается как тождественная прилагательному ***забо́жанный***, что подтверждает закреплённость данной словообразовательной модели (отглагольные дериваты) в диалектной речи. Словообразовательная структура данной лексемы позволяет предположить её производность от глагола *забо́жать*, который в СРНГ (1972, с. 241) представлен в значении ‘сильно захотеть, пожелать чего-либо’. Сопоставление с другими диалектными источниками показывает, что прилагательное *забо́жанный* имеет ограниченную лексикографическую фиксацию, несмотря на то, что в диалектных словарях есть глаголы *забо́жить* со значением ‘сильно пожелать, захотеть чего-либо’ (СГРС, 2009, с. 6) и *забо́житься* со значением ‘то же, что забажить’ (СГРС, 2009, с. 6). Можно заключить, что как глагольные формы с корнем *баж-*, так и прилагательное *забо́жанный* восходят к глаголу *бажа́ть* со значением ‘сильно хотеть, желать, просить’. В этом контексте обозначение любимого, дорогого человека оказывается тесно связанным с семантикой желания и прошения, что может отражать традиционное представление о близком человеке как об объекте особого желания и обращения, нередко сопряжённого с мольбой или просьбой.

Прилагательное ***уба́жный***, функционирующее исключительно в диалектной речи (в НКРЯ не встречается), зафиксировано в Словаре русских народных говоров в двух значениях: 1) ‘милый, дорогой; любимый’ и 2) ‘хороший’ (СРНГ, 2013, с. 109). Вероятнее всего, данная лексема образована от глагола *уба́жать*, который в СРНГ представлен в значении ‘испытать любовь, любить кого-либо’. В отличие от рассмотренных ранее прилагательных *бажа́ный* и *забо́жанный*, семантика которых восходит прежде всего к значению желания и стремления, прилагательное *уба́жный* имеет иной путь семантического развития: происходит переход от непосредственно обозначаемого чувства любви к характеристике лица как близкого, дорогого и положительно оцениваемого.

В том же словаре зафиксирован глагол *уба́жи́ть* (СРНГ, 2013, с. 109), имеющий значения ‘успокоить кого-либо’ и ‘удовлетворить кого-либо’, который, несмотря на формальное сходство, не вписывается напрямую в типичную модель, когда обозначение милого, любимого человека исходит от выражения некоего желания и стремления в его сторону. Вместе с тем в СРНГ (2013, с. 109) также обнаруживается ряд существительных с корнем *баж-*, связанных с оценкой лица как любимого или избалованного: *уба́женка* (‘баловень, неженка’, ‘любимица’), *уба́женок* (‘ласковое обращение к ребёнку’), *уба́жник* (‘избалованный ребёнок’, ‘любимец’), *уба́жница* (‘любимица’, ‘младшая дочь или сестра’, ‘женщина, которая балует кого-либо’, а также ‘пирог’). Наличие данных производных подтверждает, что корень *баж-* часто встречается в диалектных словах при выражении семантики близких отношений и положительной оценки лица.

Таким образом, анализ прилагательных *бажа́ный* (*ба́женый*), а также производных форм *бажа́ненький* (*бажёненький*), *забо́жанный* и *уба́жный* показал, что внутри данной группы наблюдаются различия в развитии значения: прилагательные *бажа́ный* (*ба́женый*), *бажа́ненький* (*бажёненький*) и *забо́жанный* связаны прежде

всего с семантикой желания и стремления, в то же время прилагательное *уба́жный* демонстрирует иной путь развития значения (от непосредственного обозначения чувства любви к характеристике лица как дорогого и любимого). Материалы русских народных говоров показывают, что значение ‘милый, любимый’ в диалектной речи часто связано с представлением **о желанности и особой ценности человека**. В ряде случаев это значение сопровождается оттенками просьбы, мольбы или “выпрашивания”, что особенно наглядно проявляется в диалектных обозначениях ребенка как “вымоленного”. Таким образом, анализ данной группы лексем подтверждает, что диалектная лексика сохраняет и передаёт важные культурные смыслы, связанные с осмыслением любви и близких отношений через желание и “выпрашивание”.

Вторая группа включает имена прилагательные, связанные с понятием **боли**, а именно: *боле́зный, боле́ткий, больнёхонький, бо́льный, болю́чий, разболе́зный и разболю́чий*.

Несмотря на общую семантическую основу, связанную с физическим или душевным страданием, в диалектной речи эти слова приобретают значение ‘милый, любимый’, что представляет собой интересный факт, требующий более детального рассмотрения. Все семь слов, объединённые общей звуковой формой, отсылают нас к слову «боль», которое в современном русском языке толкуется как ‘ощущение физического страдания’ или ‘чувство горя, нравственное страдание’ (БТСРЯ, 2000, с. 90). Однако в народных говорах наблюдается трансформация этого негативного значения в положительное, что проявляется в употреблении данных слов в качестве ласковых обращений. Также в архангельских говорах это существительное имеет значение ‘родовые схватки’, являясь, по мнению Е. А. Ковригиной, «производным, основанным на концептуальной метонимии: при родах испытывают боль, тем самым здесь отражена связь болезни и сильных болевых ощущений» (2018, с. 243).

Прилагательное ***бо́льный*** в СРНГ (1968, с. 74) фиксируется в двух значениях: 1) ‘причиняющий боль’ и 2) ‘милый, родной, дорогой, любезный’. Уже на уровне фиксации в словаре видно, что слово может реализовывать как прямое значение, связанное с ощущением боли, так и переносное, связанное с эмоциональной близостью. В НКРЯ всего 10 контекстов (в большинстве своём они относятся к XVIII-XIX вв.) с прилагательным *бо́льный*, которое используется в значениях ‘человек, который болеет’ или ‘нездоровый’. Обращение к диахроническим источникам показывает, что данная форма имеет ограниченную лексикографическую фиксацию: в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» она не отмечена, в «Словаре Академии Российской» (1789, с. 279) форма появляется с отличной позицией ударения (*больны́й*) в значении ‘нездоровый, хворый, подверженный боли, который немоществует’. При этом у В. И. Даля данная форма отсутствует, как и в рассматриваемых нами толковых словарях XX-XXI веков. В других диалектных словарях слово фиксируется с иными значениями: в СРГК (1994, с. 92) – ‘болезненно реагирующий на всё, обидчивый’, в СГРС (2001, с. 143) – ‘имеющий крайнюю степень выражения’. Интересно отметить тот факт, что в СРНГ значение ‘милый, родной, дорогой, любезный’ зафиксировано преимущественно в южных регионах (Кочет. Дон., Дон., Моздок. Тер.), а в северных говорах семантика прилагательного заметно отличается. Здесь слово утрачивает значение эмоциональной близости и реализует иные оттенки смысла, которые не связаны с положительной оценкой. Таким образом, можно увидеть, что прилагательное *бо́льный* имеет вариативность значений в диалектной речи. Корпусные данные показывают, что в письменной речи слово закрепилось прежде всего в значении, связанном с болезнью, а переносное значение ‘милый, дорогой’ имеет ограниченное географическое распространение и связано преимущественно с диалектной сферой.

Безусловно, слово *бо́льный* созвучно прилагательному *больно́й*, которое в современном русском языке используется преимущественно в своих основных значениях ‘страдающий какой-либо болезнью’ и ‘чрезмерный в своём проявлении; ненормальный’ и демонстрирует устойчивость негативного отношения (БТСРЯ, 2000, с. 90), что подтверждается и лексикографическими источниками, и анализом контекстов НКРЯ, хотя ранее семантика прилагательного *больно́й* была шире: в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» (1975, с. 285) фиксируется значение ‘дорогой, близкий’. Показательно, что последний по времени пример употребления *больно́й* в этом значении относится к 1619 году и встречается в переписке Михаила Фёдоровича: «…а мнѣ де онъ всего болнѣя» (Словарь русского языка XI-XVII вв., 1975, с. 285). Начиная с XVIII века прилагательное в значении ‘дорогой, близкий’ постепенно выходит из употребления в литературном языке и в дальнейшем практически не фиксируется в толковых словарях. Нет этой лексемы и в диалектных словарях.

Таким образом, сопоставление прилагательных *бо́льный* и *больно́й* показывает, что при формальной близости их современное функционирование различается: прилагательное *больно́й* закрепилось в значениях, связанных с болезнью и негативной оценкой, тогда как значение эмоциональной близости оказалось утраченным и сохраняется лишь в исторических и диалектных источниках.

Наиболее частотная лексема, обнаруженная в СРНГ (1968, с. 73), с корнем *бол-* – прилагательное ***боле́зный***, которое демонстрирует характерный для языкового сознания семантический сдвиг: от физического состояния (‘нездоровый, болезненный’) к эмоциональной оценке (‘вызывающий жалость, сострадание; милый, дорогой’). Причём во втором значении данная лексема также может употребляться в речи и как ласковое обращение: *«Болезный ты мой!» (Княгин., Нижегор.)*. Подчеркнём, что в некоторых говорах достаточно часто встречаются ласковые обращения, образованные «от лексем, обозначающих нарушение умственных и физических способностей человека» (Шайхинурова, 2024, с. 16). Несмотря на то, что в СРГК прилагательное *боле́зный* не зафиксировано, а в СГРС (2001, с. 143) оно представлено лишь в своём прямом значении (‘больной, болеющий’), мы можем утверждать, что прилагательное *боле́зный*, в отличие от других прилагательных этой группы, встречается намного чаще: об этом свидетельствуют данные НКРЯ, в котором обнаружено 338 контекстов

с этой лексемой, однако лишь часть из них реализует значение ‘милый, дорогой’. Анализ контекстов употребления прилагательного *боле́зный* показывает, что, наряду с ласковым значением, в ряде случаев проявляется и ироническая или шутливая окраска, не зафиксированная напрямую в толковых словарях. Так, в корпусных примерах слово используется с оттенком добродушной насмешки или снисходительного сочувствия: «*Ты что, болезный, и впрямь полагаешь, что будет он себе и дальше стоять посреди Москвы…*» (Данилюк С. Рублевая зона. 2004 (НКРЯ)); «*Иди, болезный. За коньяк не плати*» (Элтанг Л. Пьяная гавань. 2012 (НКРЯ)). Данная особенность указывает на расширение значения лексемы и подчёркивает её экспрессивный характер.

Логичным продолжением анализа является рассмотрение прилагательного ***разболе́зный***, представляющего собой экспрессивную форму прилагательного *боле́зный* и зафиксированного в СРНГ (1999, с. 266) с пометой «фольк.» в значении ‘милый, дорогой (в ласковом обращении к кому-л.)’. В отличие от лексемы *боле́зный*, данное прилагательное не встречается в Национальном корпусе русского языка, что позволяет предположить его преимущественное функционирование в диалектной речи. Поскольку приставка *раз-* указывает на высшую степень проявления признака, названного мотивирующим словом (Ефремова, 2001b, с. 422), мы можем интерпретировать значение лексемы как обозначение состояния, связанного с сильной болью или страданием, которое, как и в случае с прилагательным *боле́зный*, может быть переосмыслено и использоваться для выражения эмоциональной оценки лица, вызывающего особое сочувствие и жалость, что способствует формированию ласкового значения ‘милый, любимый’.

Прилагательное ***болю́чий***, которое зафиксировано в СРНГ (1968, с. 93) в значении ‘дорогой, близкий сердцу, любимый, милый’, в НКРЯ имеет 24 вхождения, при этом ни в одной из них она не реализует значение ‘милый, дорогой’. Во всех имеющихся контекстах слово *болю́чий* употребляется в прямом значении и обозначает то, что причиняет физическую или душевную боль. Словообразовательная структура прилагательного *болю́чий* также способствует закреплению именно этого значения: суффикс *-юч-* указывает на склонность к проявлению признака, названного мотивирующим словом (Ефремова, 2001b, с. 1073). В данном случае это означает постоянную или повторяющуюся способность вызывать боль. Таким образом, словообразовательные особенности прилагательного *болю́чий* указывают на выражение негативного признака, что, по-видимому, препятствует развитию у данной лексемы эмотивно-оценочного значения в литературном языке. При том, что прилагательное *болю́чий* не представлено в ряде современных толковых словарей, данные НКРЯ свидетельствуют, что лексема продолжает функционировать в речи и в XXI веке для передачи сильных физических ощущений: «*…акушерка её в вену колола самым* ***болю́чим*** *способом…*» (Соломатина Т. Девять месяцев, или Комедия женских положений. 2010 (НКРЯ)); «*…была у неё внутри* ***болю́чая*** *точка…*» (Щербакова Г. Ах, Маня… 2002 (НКРЯ)). В СРГК (1994, с. 95) прилагательное *болю́чий* фиксируется в значении ‘больной, немощный’, а также отмечается близкая по значению форма *боля́чий*, толкуемая как ‘вызывающий чувство боли’; в СГРС словарная статья *болю́чий* имеет помету ‘то же, что больно́й’ (СГРС, 2001, с. 147), при этом прилагательное *больно́й* имеет значения ‘страдающий какой-либо болезнью’, ‘испытывающий боль’ и ‘болезненный, причиняющий боль’ (СГРС, 2001, с. 142). Данные значения подтверждают устойчивую связь лексемы *болю́чий* с исходной семантикой боли и страдания. Таким образом, *болю́чий* не демонстрирует активного перехода к значению ‘милый, любимый’ в современном русском языке, а также в некоторых русских говорах. Как корпусные данные, так и диалектный материал свидетельствуют о сохранении у данной лексемы преимущественно негативного значения, связанного с тем, что причиняет боль.

Прилагательное ***разболю́чий*** в СРНГ (1999, с. 268) фиксируется с пометой *фольк.* и толкуется как ‘милый, дорогой’ (в ласковом обращении к кому-либо) и, таким образом, несмотря на словообразовательное родство с *болю́чий*, реализует только положительную эмоциональную оценку. Наличие приставки *раз-* может указывать на высшую степень проявления признака, названного мотивирующим словом. В этом контексте значение «вызывающий боль» у прилагательного *разболю́чий* преобразуется в значение эмоциональной близости, жалости и сочувствия, характерное для ласковых обращений в народной речи. Отсутствие фиксации в НКРЯ позволяет предположить, что функционирование данного слова ограничено преимущественно фольклорной и диалектной речью и не получило развития в литературном языке. Таким образом, прилагательное *разболю́чий* демонстрирует яркий пример словообразования, при котором производная форма, усиленная приставкой *раз-*, оказывается более склонной к развитию эмотивно-оценочного значения, чем исходное прилагательное *болю́чий*.

Прилагательное ***больнёхонький*** в СРНГ фиксируется только в значении ‘милый, дорогой’, но обращение к материалам НКРЯ показывает, что в современном употреблении прилагательное *больнёхонький* реализует иное значение – состояние болезни или физической слабости. Суффикс *-ёхоньк-*, характерный для народно-поэтической речи, служит для выражения предельного усиления признака (Ефремова, 2001a, с. 450). Это подтверждается и данными Большого универсального словаря русского языка (Морковкин, Богачева, Луцкая, 2019), где форма *больнёхонький* охарактеризована как уменьшительно-ласкательная, имеет стилистическую отметку «народно-поэт.» и отсылает к слову *больно́й* (Морковкин, Богачева, Луцкая, 2019; БТСРЯ, 2000, с. 90). Прилагательное *больнёхонький* имеет ограниченную лексикографическую фиксацию, так как его нет, например, в СРГК и СГРС. Итак, несмотря на то, что прилагательное *больнёхонький* отмечено в СРНГ в значении ‘милый, дорогой’, корпусные и сопоставительные диалектные данные свидетельствуют о том, что в реальном употреблении данная лексема преимущественно сохраняет семантику, связанную с состоянием болезни. Это позволяет рассматривать эмотивно-оценочное значение как ограниченное и, вероятно, характерное для отдельных диалектных или фольклорных контекстов.

Последнее прилагательное в этой группе ***боле́ткий*** в Словаре русских народных говоров фиксируется с пометой «ласк.» и толкуется как ‘милый, родной, дорогой’ (СРНГ, 1968, с. 74). Таким образом, лексема напрямую соотносится с выражением положительной эмоциональной оценки и используется в качестве ласкового обращения. В НКРЯ это прилагательное не встречается – и это позволяет предположить, что сфера функционирования данного слова ограничена диалектной речью; её локальный характер подтверждается и отсутствием фиксации в СГРС и СРГК. С точки зрения словообразования, прилагательное *боле́ткий* можно рассматривать как производное от глагола *болеть*, который в говорах, в отличие от современного русского литературного языка, по наблюдениям Е. А. Ковригиной, не имеет омонима, а «субъектом, находящимся в состоянии физического нездоровья, может являться живое существо, больной орган или сама болезнь» (2022, с. 98). В структуре прилагательного *боле́ткий* можно выделить два суффикса: 1. *-е-*, который, вероятно, восходит к основе уже названного глагола и отражает связь прилагательного с мотивирующим значением глагола; 2. суффикс *-тк-*, который не является типичным для словообразования современного русского языка, однако встречается в диалектной речи. С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др. (2005) отмечают, что в говорах существует особый словообразовательный тип прилагательных с суффиксом *-тк-*, обычно мотивированных глаголами (например, *живуткий*, *клеваткий*, *мяткий*, *ругаткий* и др.). Такие прилагательные обозначают признак, связанный с действием, названным мотивирующим словом, или склонность к этому действию. Именно поэтому прилагательное *боле́ткий* можно интерпретировать как слово, обозначающее признак, связанный с переживанием боли или склонностью к состоянию, выраженному глаголом *болеть* (Бромлей, Булатова, Гецова и др., 2005, с. 93). Таким образом, прилагательное *боле́ткий* представляет собой редкую и слабо засвидетельствованную диалектную лексему, в которой значение ‘милый, родной, дорогой’ формируется на основе переосмысления семантики боли.

Таким образом, анализ показал, что группа созвучных слов, связанных с понятием боли, в диалектной речи приобретает значение ‘милый, дорогой’, что представляет собой уникальный этнолингвистический феномен. Исходно отрицательная коннотация, связанная с физическим или душевным страданием, в народной языковой традиции может переосмысливаться, и слово используется при выражении положительной эмоциональной оценки и близости. При этом степень закреплённости данного значения у разных лексем оказывается неодинаковой. Для одних прилагательных (например, *боле́зный*) употребление слова в уменьшительно-ласкательном значении подтверждается как диалектными словарями, так и корпусными примерами, тогда как для других оно фиксируется лишь в отдельных лексикографических источниках и не получает подтверждения в современном употреблении (например, *боле́ткий*).

В целом подобная трансформация значения (от негативного к позитивному) отражает особенности языкового сознания и ценностных представлений русской народной культуры, в которой переживание боли, жалости и сострадания тесно связано с выражением любви и заботы.

Особый интерес в рамках нашей работы также представляет **третья группа** прилагательных, включающая лексемы *жа́добный (жадо́бный), жадо́бненький* (или *жа́добненький*) и *жада́нный*, которые демонстрируют связь между семантикой **желания** и выражением эмоциональной близости, что делает их показательными для анализа народной языковой картины мира.

Можем предположить, что все прилагательные данной группы восходят к глаголу ***жада́ть***, которое имеет значение ‘желать, хотеть, стремиться к чему-либо’, ‘сильно, жадно желать’, а также ‘высказывать пожелание’ (СРНГ, 1972, с. 57). Наряду с этим в ряде говоров слово *жада́ть* может означать ‘завидовать’, ‘жалеть, беречь’, ‘жадничать’, а также ‘жадно есть’ или ‘жадно курить’ (СРНГ, 1972, с. 57).

Интерес также представляет наличие прямых соответствий данной лексемы в других восточнославянских языках. Так, в СРНГ при глаголе *жада́ть* приводится сопоставительная помета: «Ср. белорус. жада́ць, укр. жада́ти» (1972, с. 57). Белорусско-русский словарь К. К. Крапивы (1962, с. 284) фиксирует глагол *жада́ць* в значениях ‘желать’, ‘хотеть’, ‘жаждать’, а также ‘высказывать пожелания’, а в «Русско-украинском, украинско-русском словаре» слово *жада́ти* толкуется как ‘хотеть, желать’ (Ганич, Олейник, 1998, с. 335). Эти данные указывают на межславянские связи и позволяют говорить о том, что данная лексема не является исключительно локальным диалектным образованием. Также нужно обратить внимание, что, как справедливо отмечают авторы статьи «Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие» И. А. Букринская и О. Е. Кармакова, диалекты русско-белорусского пограничья имеют континуальный характер, то есть для них характерно «отсутствие резкого перехода от одной языковой системы к другой, в отличие от иных пограничных территорий» (2025b, с. 207).

В ранние периоды развития русского языка данный глагол имел более широкое и устойчивое употребление. Так, в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» (1978, с. 69-70) зафиксировано слово ***жадати*** в четырёх значениях: 1. ‘жаждать, хотеть пить’, 2. ‘сильно желать, хотеть чего-либо’, 3. ‘уповать, надеяться на что-либо’ и 4. ‘скучать, тосковать по кому-либо’. В этом словаре также фиксируется существительное *жадоба* в значении ‘жадность, алчность’. Примечательно, что в более поздних диалектных материалах это слово получает положительное переосмысление и начинает употребляться для обозначения «милого, любимого человека». При этом в шеститомном «Словаре Академии Российской» (1789-1794) слова с корнем *жад-* с похожей формой и семантикой уже не представлены, что может свидетельствовать о постепенном выходе данного слова из литературного языка.

В Словаре В. И. Даля (1863, с. 468) глагол *жадать* вновь фиксируется, однако уже как регионально окрашенное слово, употребляющееся в значениях ‘жаждать, хотеть пить’ и ‘сильно желать, нетерпеливо хотеть’

(вологодск., тамб., ряз.). В то же время в толковых словарях XX-XXI веков (Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, 1935-1940), С. И. Ожегова (1990), С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 2000)) данный глагол уже отсутствует, хотя корень *жад-* сохраняется в словах типа *жадный*, *жадность*, *жадина* и др.

Таким образом, можно заключить, что глагол *жадать* не сохранился в литературном языке после XIX века и в диалектной речи фиксируется преимущественно в материалах XIX столетия. Вместе с тем его производные формы оказались более устойчивыми и продолжали функционировать в более поздний период. Так, в СРНГ отмечены, например, следующие лексемы: *жадобинка* фиксируется в 1852 г. (1972, с. 59), *жадоба* – в 1855 г. (1972, с. 58), *жадобина* – в 1905-1921 гг. (1972, с. 59), *жадобненький* – в1902-1918 гг. (1972, с. 59). Однако обращение к материалам НКРЯ показывает, что указанные производные не представлены в корпусе. Если учесть, что основное значение глагола *жадать* напрямую связано с желанием и стремлением к объекту, то закономерным представляется появление на его основе производных прилагательных с положительной эмоциональной окраской, имеющих такие значения, как ‘милый’, ‘дорогой’, ‘желанный’.

Прилагательное ***жáдобный*** (или ***жадóбный***) ограниченно функционирует только в северных говорах, о чём свидетельствуют пометы в СРНГ (1972, вып. 9, с. 59) и фиксация в СРГК (1995, вып. 2, с. 31). Лексема обычно употребляется в качестве обращения, в частности как ласковое обращение к особо любимому ребёнку («Жадобный ты мой, не хошь ли чего? Новг., 1852» (СРНГ, 1972, с. 59)). Суффикс *-обн-* используется для образования прилагательных, обозначающих признак или свойство, характеризующиеся отношением к имени или действию, названному мотивирующим словом (Ефремова, 2001а, с. 1079). В данном случае прилагательное *жáдобный* может быть интерпретировано как ‘вызывающий сильное желание, любовь’, что хорошо согласуется с его употреблением в качестве ласкового обращения. Логично, что его уменьшительно-ласкательные формы ***жадóбненький*** (или ***жáдобненький***), ***жадобнёшенький*** (‘то же, что жадобненький’) и ***жадóйненький*** (‘то же, что жадобненький’) также ограничены исключительно диалектной речью, что подтверждается отсутствием данных лексем в НКРЯ, но наличие нескольких словообразовательных вариантов свидетельствует об активном функционировании слов в говорах, а использование суффикса с уменьшительно-ласкательным оттенком усиливает ласковую окраску и делает обращение ещё более эмоциональным. В СГРС данная лексема не зафиксирована. В то же время в СРГК (1995, с. 31) прилагательное ***жадóбненький*** представлено двумя отдельными словарными статьями, отражающими омонимичные формы: 1) ‘вызывающий жалость, сожаление’, 2) ‘то же, что жадобный’. Эти значения в очередной раз демонстрируют характерную для данной группы слов семантическую близость понятий жалости, эмоциональной привязанности и ласки.

Прилагательное ***жадáнный*** восходит, вероятнее всего, к глаголу *жадать*, поэтому может интерпретироваться как ‘тот, которого жаждут’ или ‘тот, кого сильно желают’. Лексема функционирует исключительно в говорах (в НКРЯ не зафиксирована) в значении ‘дорогой, желанный’ (СРНГ, 1972, с. 57) и имеет пометы «Ср. белорус. жадáны, укр. жадáний», что указывает на межславянские связи, и не может быть квалифицирована исключительно как локальное диалектное образование – на это указывает и ареал распространения в русских говорах (регионы Тверь и Лавровский), которые территориально удалены друг от друга. Тем не менее фиксация в удалённых друг от друга регионах и наличие межславянских соответствий позволяют говорить о более широком распространении лексемы *жадáнный* в народной речи, даже несмотря на то, что слово не встречается в северных диалектах (не зафиксировано в СГРС и в СРГК).

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что корень *жад-* активно используется в диалектной речи и при образовании существительных со значением ‘милый, любимый, желанный’, количество которых значительно больше, чем прилагательных с этим же значением, что может указывать на особую продуктивность данной модели именно в назывании лица, вызывающего привязанность: *жадóба* (СРНГ, 1972, с. 58; СРГК, 1995, с. 31), *жадóбина* (СРНГ, 1972, с. 59), *жадóбинка* (СРНГ, 1972, с. 59; СРГК, 1995, с. 31), *жадоби́ночка* (СРНГ, 1972, с. 59), *жадóбнушка* (СРНГ, 1972, с. 59), *жадóбочка* (СРНГ, 1972, с. 59), *жадóбушка* (СРНГ, 1972, с. 60), *жадóвушка* (СРГК, 1995, с. 31). Интересно, что в СГРС нами не было обнаружено ни одного примера с корнем *жад-* с похожей семантикой. Таким образом, материал диалектных словарей показывает, что именно существительные с корнем *жад-* становятся основным средством выражения значения ‘милый, любимый, дорогой человек’, тогда как прилагательные выполняют скорее вспомогательную роль. Это ещё раз подтверждает устойчивую связь семантики желания и привязанности с данным корнем и его важное место среди народной эмоционально-оценочной лексики.

Итак, анализ третьей группы прилагательных показывает, что в диалектной речи корень *жад-* устойчиво связан с выражением положительной эмоциональной оценки. Отсутствие данных лексем в НКРЯ свидетельствует об их преимущественно диалектном характере. При этом обилие существительных с корнем *жад-* и сходным значением подчёркивает высокую продуктивность данной словообразовательной модели в сфере народной эмоционально-оценочной лексики.

Четвёртая группа прилагательных, объединённых корнем *жал-* (***жала́нный***, ***жала́нненький*** и ***жалама́нный***), вероятнее всего, восходит к глаголу ***жалать***, который, помимо прямого значения ‘желать’, толкуется в СРНГ (1972, с. 62) и как ‘приглашать в гости’. При этом в СРГК, а также в СГРС данная форма глагола не обнаружена. Несмотря на немногочисленные примеры (6 контекстов) в НКРЯ, относящиеся к XVIII-XX вв., в исторических словарях мы не обнаружили фиксацию данной лексемы, нашли лишь словарную статью в «Словаре русского языка XVIII века» со ссылкой «см. желать» (1992, с. 91). В современных толковых словарях XX-XXI веков глагола *жалать* тоже нет. Таким образом, можно предположить, что лексема *жалать* функционировала

как диалектный или разговорный вариант глагола *желать*, однако не закрепилась в литературном языке и со временем вышла из активного употребления. Тем не менее её производные прилагательные сохранились в народной речи, что делает их анализ особенно интересным.

Прилагательное ***жала́нный,*** которое является производным для остальных форм, имеет несколько значений: 1) ‘ожидаемый, желаемый’, 2) ‘дорогой, милый’, 3) ‘любящий, ласковый, сострадательный, жалостливый’, 4) ‘хороший, близкий друг’ (СРНГ, 1972, с. 61-62). В словарной статье содержится отсылка к прилагательному «желанный». Корпусный анализ показал, что немногочисленные примеры с прилагательным *жала́нный* чаще всего отсылают к сфере близких, родственных отношений и выражают сильную эмоциональную привязанность: «*Здравствуй, миленый, жаланный сыночек…*» (Чуковский К. И., 1921 (НКРЯ)). Таким образом, прослеживается тесная связь между семантикой сильного желания и ожидания объекта и формированием тёплого отношения к нему. Тот, кого *жалают*, становится не просто желаемым, но и дорогим сердцу. Именно поэтому значение ‘желанный, ожидаемый’ постепенно сближается со значениями ‘милый’, ‘любимый’, ‘дорогой’. В этом случае можно говорить о таком переходе значения: *желать* → испытывать сильную привязанность → *жаланный* как ‘милый, любимый человек’. Такой сдвиг отражает особенность народного восприятия, где желание и любовь оказываются внутренне связанными.

Уменьшительно-ласкательная форма ***жала́нненький*** имеет уже только одно значение – ‘дорогой, милый’ (СРНГ, 1972, с. 61). Её появление показывает, что слово могло активно функционировать в сфере личного общения и использоваться в ситуациях близких, доверительных отношений: суффикс *-еньк-* усиливает значение нежности, заботы и привязанности, придавая слову дополнительную экспрессивность. В результате семантика ‘желанный, дорогой’ приобретает ещё более тёплый оттенок.

Прилагательное ***жалама́нный*** в СРНГ (1972, с. 61) толкуется как ‘любимый, дорогой’ и сопровождается пометой «ср. жадобный». Вероятно, эта отсылка связана не с прямым словообразовательным родством, а с близостью значения, так как оба этих слова связаны с семантикой желания и употребляются для выражения тёплого отношения к человеку. Несмотря на немногочисленные случаи употребления (лексема не зафиксирована в СГРС и СРГК) и отсутствие корпусных примеров, прилагательное *жаламанный* по своему значению и структуре примыкает к общему ряду вместе с прилагательными *жаланный* и *жаланненький* и сохраняет общее значение ‘милый, любимый, дорогой’, отражая ту же связь между желанием и тёплым эмоциональным отношением.

Продуктивность словообразовательных дериватов с корнем *жал-*, передающих тёплое, ласковое отношение к человеку, подтверждается рядом существительных, зафиксированных в СРНГ со значением ‘милый, дорогой человек’: *жала́нка* (1972, с. 61), *жала́нник* (1972, с. 61), *жала́нница* (1972, с. 61), *жала́н(н)ушка* (1972, с. 61). Последнее обращение, по наблюдениям И. Б. Качинской, «распространяется и на домашних животных» (2016, с. 258). Все эти слова объединяет общее значение близости, нежности и эмоциональной привязанности. По сути, они продолжают ту же линию развития значения, что и описанные прилагательные: все они от исходной идеи желания переходят к обозначению дорогого, любимого человека. Особенно показательно наличие уменьшительно-ласкательного суффикса *-ушк-*, который усиливает оттенок тепла и заботы. Таким образом, можно говорить о формировании в диалектной речи целой группы слов разных частей речи с корнем *жал-*, объединённых общей положительной эмоциональной окраской, в которых исходное значение желания и ожидания постепенно переходит в значение любви, привязанности и душевной близости.

Пятая группа прилагательных объединена корнем *жал-*, который, по нашим наблюдениям, соотносится с глаголом ***жалеть***: ***жа́лкий*** (***жалко́й***), ***жа́лкенький***, ***жалу́чий***, ***жалобо́чный***, ***жа́лобливый***.

В современном русском языке глагол ***жалеть*** имеет следующие значения: 1) ‘испытывать жалость, сострадание’, 2) ‘печалиться, скорбеть’, 3) ‘беречь, щадить // неохотно тратить’ (БТСРЯ, 2000, с. 299). Таким образом, в литературном языке основное значение связано с чувством жалости или сожаления, а также с бережным отношением к чему-либо. Однако в диалектной речи картина выглядит иначе: в СРНГ (1972, с. 63) первым значением глагола *жалеть* указано ‘любить’, вторым – ‘проявлять заботу, бережно относиться к кому-либо’, третьим – ‘ласкать, обнимать’. Можно заметить, что в народной речи на первый план выходит не жалость, а чувство привязанности и любви. Для того чтобы понять происхождение этих значений, мы обратились к диахроническим источникам. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» (1978, с. 70) глагол *жалеть* фиксируется в значениях ‘беречь, заботиться о сохранности’ и ‘неохотно тратить, скупиться’. В «Словаре Академии Российской» (1790, с. 1038-1039) также отмечаются значения ‘скорбеть, печалиться’ и ‘беречь, щадить’. В словаре В. И. Даля (1863, с. 468) глагол *жалеть* даётся с отсылкой к глаголу *жалить*, где среди значений, помимо ‘сожалеть’ и ‘щадить’, встречаются оттенки благосклонности и заботы. Это показывает, что исторически значение корня *жал-* было шире и включало не только жалость, но и заботу и доброжелательное отношение. В словаре Д. Н. Ушакова (ТСРЯ, 1935, с. 842-843) фиксируется значение ‘любить’ с пометой «обл.». Однако в более позднем словаре С. И. Ожегова (1990) оно уже отсутствует. Это, скорее, не свидетельство функционирования данного значения в литературном языке, а дополнительное подтверждение его диалектного характера. Помета «обл.» указывает на то, что значение ‘любить’ воспринималось как народное и не входило в норму литературного языка. То, что подобное значение не закрепилось в других толковых словарях, подтверждает его ограниченное распространение вне диалектной среды. Что касается других диалектных источников, то в них данное значение представлено достаточно устойчиво. Например, в СРГК (1995, с. 32) глагол *жалеть* имеет значения ‘любить’, ‘заботиться’, ‘ласкать, нежить’, ‘вспоминать, тосковать’. В СГРС (2005, с. 336) отмечены значения ‘любить, чувствовать приязнь’, а также ‘скучать по кому-либо’. Таким образом, можно утверждать, что именно в народной речи сохраняется и развивается семантика любви и привязанности, связанная с данным глаголом.

Итак, в диалектной речи глагол *жалеть* сохраняет и развивает значение любви, привязанности и заботы. Исторически он был связан в первую очередь с идеей сожаления и бережного отношения, а в народной языковой картине мира это отношение естественным образом перешло в чувство любви. Именно данный семантический переход, вероятнее всего, и лежит в основе образования рассматриваемых прилагательных пятой группы.

Прилагательное ***жа́лкий*** (***жалко́й***) в СРНГ (1972, с. 64) фиксируется в трёх значениях: 1) ‘сочувствующий, соболезнующий страданию, горю; жалостливый’, 2) ‘дорогой, милый’ (Тул., Калуж., Брян., Смол., Курск., Дон.) и 3) ‘скупой’. Таким образом, можно увидеть, что, с одной стороны, прослеживается связь с выражением жалости и сочувствия, с другой – с тёплым и близким отношением к человеку. Анализ контекстов НКРЯ (17 557 примеров) позволил сделать вывод, что случаи употребления прилагательного в значении ‘милый, дорогой’ единичны – это конструкции, появляющиеся в речи, которая передает прежде всего эмоциональную близость, заботу и ласковое обращение: «*Она гладила его лицо над собой, гладила его затылок, плечи, вё сильней прижимала к себе:* ***Жалкий мой****… И целовала его глаза, чтоб не смотрел*» (Бакланов Г. Я. Нездешний. 2001 (НКРЯ)). В большинстве случаев прилагательное употребляется в значении, которое резко контрастирует с диалектным ‘милый, дорогой’.

При обращении к другим диалектным словарям можно обратить внимание на то, что в них лексема *жа́лкий* имеет иные значения: 1) ‘жалостливый’ (СРГК, 1995, с. 32), 2) ‘высокий по тону, вызывающий чувство грусти, жалости’ (СРГК, 1995, с. 32), 3) ‘то же, что жальник’, где *жальник* определяется как ‘кладбище’ (СГРС, 2005, с. 337). Этот факт демонстрирует, что значение лексемы развивалось в разных направлениях и не всегда связано с теплым отношением.

Обращение к историческим и современным словарям демонстрирует преобладание значения, связанного именно с жалостью: 1) ‘достойный сожаления’ и ‘приводящий в сожаление’ (Словарь Академии Российской, 1790, с. 1036), 2) ‘достойный жалости, сожаления, участия; возбуждающий чувство жалости, сострадания, соболезнования; склоняющий к грусти, печали’, а также ‘ничтожный, презрительный, упадший, плохой’ (Даль, 1863, с. 468); 3) ‘несчастный, возбуждающий сострадание, жалость’, ‘печальный, жалобный’, а также ‘невзрачный’, ‘ничтожный’, ‘презренный’ (ТСРЯ, 1935, с. 843), 4) ‘возбуждающий жалость, несчастный’, ‘жалобный, трогательный’, ‘плохой, невзрачный’ и ‘ничтожный, презренный’ (Ожегов, 1990, с. 192), 5) ‘достойный сожаления, убогий, презренный, ничтожный’ (БТСРЯ, 2000, с. 299).

Анализ показывает, что исторически и в литературной речи прилагательное *жалкий* преимущественно связано со значением жалости, слабости и ничтожности, тогда как диалектные данные фиксируют дополнительную линию развития значения. Таким образом, можно увидеть переход от сочувствия к выражению близости и ласкового отношения.

Производная уменьшительно-ласкательная форма ***жа́лкенький***, зафиксированная в СРНГ (1972, с. 64) в значении ‘дорогой, милый’, соответствует ранее отмеченной линии развития семантики. Однако данные НКРЯ показывают иную картину функционирования слова: в обнаруженных нами 30 контекстах *жалкенький* употребляется в значениях ‘плохой’, ‘ущербный’, ‘неказистый’. Причём такие употребления фиксируются в текстах разных эпох (с XIX по XXI в.), что свидетельствует о реальном функционировании слова. Сделаем отступление и добавим, что на подобную тенденцию, когда слова в вокативной функции с уменьшительно-ласкательными суффиксами несут не положительную, а отрицательную коннотацию, акцентировали внимание исследователи обращений в русских народных говорах (Курносова, 2016, с. 37) (это не касается диминутивов, образованных от имён собственных с помощью суффиксов *-очк-/-ечк-*, *-ушк-*, *-еньк-*: такие обращения всегда «вносят в коммуникацию положительный оттенок» (Зорина, 2017, с. 76)). Возвращаясь к анализу прилагательного *жа́лкенький,* уточним, что оно не имеет активной фиксации в словарях (например, в «Словаре русского языка XI-XVII вв.», в «Словаре Академии Российской» и др.). Обнаруживаем это прилагательное лишь в «Большом универсальном словаре русского языка» в морфологической зоне статьи *жалкий*, где приводятся производные формы и среди них есть разговорное *жа́лконький* (Морковкин, Богачева, Луцкая, 2019). Таким образом, корпусные данные демонстрируют употребление формы, которая функционировала в текстах, но оставалась периферийной и не получила устойчивого словарного закрепления, а также доказывают тот факт, что в реальном употреблении лексема закрепилась преимущественно с отрицательными коннотациями и связана с идеями малости, незначительности и недостаточности.

Функционирующее исключительно в русской народной речи прилагательное ***жалу́чий*** в СРНГ (1972, с. 68) определяется как ‘милый, дорогой’. Суффикс *-уч-*, указывающий на склонность к признаку (Ефремова, 2001b, т. 2, с. 883), позволяет нам интерпретировать прилагательное как ‘склонный вызывать жалость’. Однако в народной речи слово обозначает не столько объект сожаления, сколько человека, вызывающего тёплое чувство, привязанность и любовь: значение, связанное с жалостью, в диалектной речи может сближаться со значениями любви, нежности и эмоциональной близости, что также может отражать особенное осмысление чувств жалости и любви народом.

Прилагательное ***жалобо́чный*** также употребляется в русских говорах в значении ‘дорогой, милый, желанный’ (СРНГ, 1972, с. 67). Имея ограниченную лексикографическую и корпусную фиксацию, лексема, тем не менее, встречается в словаре В. И. Даля (1863, с. 469), где фиксируется в словарной статье к слову *жалить*, в которой её употребление иллюстрируется контекстом ‘по ком сердце болит, кого жалею, люблю’, отражающим связь слова с семантикой жалости, сочувствия и любви. Вероятнее всего, прилагательное образовано от существительного *жало́ба*, которое, по данным СРНГ (1972, с. 66), может обозначать также ‘человека, вызывающего

жалость; дорогого, милого человека', что соответствует нашим рассуждениям о переосмыслении значения жалости в народной речи и сближении со значениями любви, нежности и эмоциональной близости.

Прилагательное ***жа́лобливый*** в разных словарях толкуется по-разному: 1) 'отзывчивый, сострадательный, жалостливый' (СРНГ, 1972, с. 66; СРГК, 1995, с. 32; Даль, 1863, с. 469), 2) 'милый, дорогой' (СРНГ, 1972, с. 66). В НКРЯ есть всего одна фиксация данного прилагательного в значении 'жалостливый'. Таким образом, прилагательное *жа́лобливый*, с одной стороны, в основном связано со значением сострадания, с другой – фиксируется в значении 'милый, дорогой', что вновь подтверждает факт сближения семантики жалости и эмоциональной близости в народной речи.

Таким образом, все прилагательные с корнем *жал-* объединены не только общим корнем, но и общей линией развития значений: все рассмотренные нами лексемы так или иначе соотносятся с глаголом *жалеть*, который в диалектной речи сохраняет значения 'любить', 'заботиться', 'ласкать', тогда как в литературном языке у него закреплены прежде всего значения, связанные с жалостью и сожалением. Проведённый нами анализ показывает, что внутри группы наблюдается устойчивая двойственность значений. С одной стороны, большинство слов исторически и в литературной речи связано со значением жалости, слабости, недостаточности (особенно это видно на примере прилагательных *жалкий* и *жалкенький*). С другой стороны, данные, полученные из диалектных словарей, фиксируют явный переход от чувства жалости к выражению тёплого, близкого отношения к человеку, которое проявляется в значениях 'милый', 'дорогой', 'любимый'.

Заключение

Таким образом, прилагательное со значением 'милый, любимый, дорогой' в говорах представлено пятью основными группами однокоренных лексем:

1) слова с корнем *баж-* (*бажаный*, *бажаненький*, *забажанный*, *убажный*);
2) слова с корнем *бол-* (*боле́зный*, *боле́ткий*, *больнёхонький*, *бо́льный*, *болю́чий*, *разболе́зный* и *разболю́чий*);
3) слова с корнем *жад-* (*жадобный*, *жадобненький*, *жаданный*);
4) слова с корнем *жал-* (*жел-*) в значении желанности (*жаланный*, *жаланненький*, *жаламанный*);
5) слова с корнем *жал-*, связанным с жалостью (*жалкий*, *жалкенький*, *жалучий*, *жалобочный*, *жалобливый*).

Детальный анализ каждой лексемы подтвердил, что данные прилагательные не являются случайным набором, а отражают устойчивые семантические модели выражения эмоциональной близости в диалектной языковой картине мира. Во всех группах прослеживаются регулярные словообразовательные связи и повторяющиеся пути развития значения 'милый, любимый'. При этом наиболее крупными и разветвлёнными оказались группы с корнями *бол-* и *жал-* (в значении жалости), что позволяет говорить об особой роли значения боли и жалости в формировании значения 'милый, любимый' в народной речи.

В целом можно выделить три основных типа семантического перехода к значению 'милый, любимый' в говорах:

1) переход через значение **желания** (тот, кого желают, выпрашивают → дорогой, милый, любимый), что характерно прежде всего для группы с корнем *баж-* и ряда слов с корнем *жад-*;

2) переход через значение **боли** (тот, по кому болит душа/сердце → дорогой, милый, любимый), где эмоциональная значимость осмысляется как то, что «болит», что отражено в группе *бол-/боль-*;

3) переход через значение **жалости** и **заботы** (тот, кого жалеют и о ком заботятся → дорогой, милый, любимый), представленное в группе слов с корнем *жал-*.

Таким образом, исследование показывает, что в диалектной речи значение 'милый, любимый' очень часто формируется не напрямую, а через другие смыслы, а именно: через желание, боль и жалость. Эти переходы отражают особенности народного осмысления близости, где любовь понимается как сильные желание, жалость, переживание некой боли или заботливое отношение к человеку.

В качестве перспективы дальнейшего исследования представляется целесообразным рассмотреть отдельные лексемы со значением 'милый, любимый', не вошедшие в выделенные группы, а также обратиться к выявлению и анализу других значений прилагательного *дорогой* и соответствующих им номинаций в диалектной речи.

Материалы исследования | Research materials

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г., Захарова К. Ф. Русская диалектология: учебник / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005.
3. Ганич Д. И., Олейник И. С. Русско-украинский, украинско-русский словарь. К.: А. С. К., 1998.
4. Даль В. И.Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете, 1863. Т. 1
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001а. Т. 1.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001а. Т. 2.
7. Крапива К. К. Белорусско-русский словарь: около 90 000 слов. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1962.

8. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф. Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ ПРЕСС-КНИГА, 2019. https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka
9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru/
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов. Изд-е 22-е, стер. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990.
11. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789. Ч. 1.
12. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Императорской Академии наук, 1790. Ч. 2.
13. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / авт.-сост.: Ю. В. Алабугина и др.; под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. Т. 1.
14. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / авт.-сост.: Ю. В. Алабугина и др.; под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. Т. 3.
15. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / авт.-сост.: Ю. В. Алабугина и др.; под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. Т. 4.
16. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. Вып. 1.
17. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995. Вып. 2.
18. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. – Л.: Наука, 1966. Вып. 2.
19. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. – Л.: Наука, 1968. Вып. 3.
20. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. – Л.: Наука, 1972. Вып. 9.
21. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. – Л.: Наука, 1999. Вып. 33.
22. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. – Л.: Наука, 2013. Вып. 46.
23. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1.
24. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4.
25. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1978. Вып. 5.
26. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1992. Вып. 7.
27. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. Т. 1.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.

Источники | References

1. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
2. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Диминутивы в диалектном дискурсе и словарях // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. 2025. № 3. https://doi.org/10.31912/pvrli-2025.3.6
3. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М.: Ин-т славяноведения Российской академии наук, 2025. https://doi.org/10.31168/2618-8589.2025.25.04
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
5. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во Московского университета, 1957.
6. Зорина Л. Ю. Обращения в вологодских народных говорах как отражение особенностей традиционной коммуникативной культуры // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № S.
7. Качинская И. Б. Номинация возлюбленного в архангельских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования): сборник статей. СПБ., 2016.
8. Ковригина Е. А. Некоторые архаические лексико-семантические особенности говоров архангельского региона (на материале единиц семантического поля ‘БОЛЕЗНЬ’) // Славянский мир: общность и многообразие / Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2018.
9. Ковригина Е. А. Об архаических элементах в семантике приставочных дериватов глагола болеть в пространстве диалекта // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 5.
10. Ковригина Е. А. Общерусский глагол бóлеть в архангельских говорах: семантика и сочетаемость // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 1.
11. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л.: Наука, 1975.
12. Курносова И. М. О семантике обращений в русских народных говорах (на материале художественных произведений) // Filologos. 2016. № 29.
13. Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М.: Академический проект, 2005.
14. Семенова О. В., Радецкая Е. М. Имена прилагательные со значением «стоящий больших денег» в литературном языке и диалектной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 11. https://doi.org/10.30853/phil20250661
15. Смирницкий А. И. Значение слова // Вопросы языкознания. 1955. № 2.
16. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд-е 2-е, испр. М.: Индрик, 1995.
17. Шайхинурова Д. Н. Ласковые обращения к человеку в говорах и фольклоре Костромской области // Живая старина. 2024. № 2.
18. Ясинская М. В. Любовь и ненависть сквозь призму зрительного кода // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015.

Информация об авторах | Author information

RU

Семенова Ольга Валентиновна[1], к. филол. н.
Радецкая Ева Максимовна[2]
[1] Петрозаводский государственный университет
[2] Гимназия № 30, г. Петрозаводск

EN

Olga Valentinovna Semenova[1], PhD
Eva Maksimovna Radetskaja[2]
[1] Petrozavodsk State University
[2] Gymnasium No. 30, Petrozavodsk

[1] *olsemenova@bk.ru,* [2] *evaradetskaya@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.04.2026; опубликовано online (published online): 28.05.2026.

Ключевые слова (keywords): прилагательное «дорогой»; диалектные словари; семантические изменения; значение ‘милый/любимый’; языковая картина мира; adjective “дорогой”; dialect dictionaries; semantic changes; meaning ‘dear/beloved’; linguistic world view.